

Лекарство от меланхолии (сборник)

Автор:

Рэй Брэдбери

Лекарство от меланхолии (сборник)

Рэй Дуглас Брэдбери

«Когда все потеряно, остается надежда», – утверждает герой одного из рассказов Рэя Брэдбери. И эти слова могли бы стать эпиграфом ко всему сборнику «Лекарство от меланхолии», на страницах которого всегда найдется место для грустных улыбок и добрых чудес.

Эта книга, как все книги Брэдбери, возвращает надежду на чудо, которой так не хватает нам всем в суете обыденной жизни.

Рэй Брэдбери

Лекарство от меланхолии

Ray Bradbury

THE MEDICINE FOR MELANCHOLY

Copyright © 1959 by Ray Bradbury

© Н. Галь, наследники, 2016

© В. Гольдич, И. Оганесова, 2016

© Е. Доброхотова, 2016

© Л. Жданов, наследники, 2016

© А. Оганян, 2016

© Т. Шинкарь, наследники, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Погожий день

О человеке, который больше всего в жизни любил искусство[1 - Перевод Норы Галь]

Однажды летним полднем Джордж и Элис Смит приехали поездом в Биарриц и уже через час выбежали из гостиницы на берег океана, искупались и разлеглись под жаркими лучами солнца.

Глядя, как Джордж Смит загорает, развалясь на песке, вы бы приняли его за обыкновенного туриста, которого свеженьким, точно салат-латук во льду, доставили самолетом в Европу и очень скоро пароходом отправят восвояси. А на самом деле этот человек больше жизни любил искусство.

- Ну вот...

Джордж Смит вздохнул. По груди его поползла еще одна струйка пота. Пусть испарится вся вода из крана в штате Огайо, а потом наполним себя лучшим бордо. Насытим свою кровь щедрыми соками Франции и тогда все увидим глазами здешних жителей.

А зачем? Чего ради есть и пить все французское, дышать воздухом Франции? Да затем, чтобы со временем по-настоящему постичь гений одного человека.

Губы его дрогнули, беззвучно промолвили некое имя.

– Джордж? – Над ним наклонилась жена. – Я знаю, о чем ты думаешь. По губам прочла.

Он не шевельнулся, ждал.

– Ну и?..

– Пикассо, – сказала она.

Он поморщился. Хоть бы научилась наконец правильно произносить это имя.

– Успокойся, прошу тебя, – сказала жена. – Я знаю, сегодня утром до тебя докатился слух, но поглядел бы ты на себя: опять глаза дергает тик. Пускай Пикассо здесь, на побережье, в нескольких милях отсюда, гостит у друзей в каком-то рыбацьем поселке. Но не думай про него, не то наш отдых пойдет прахом.

– Лучше бы мне про это не слышать, – честно признался Джордж.

– Ну что бы тебе любить других художников, – сказала она.

Других? Да, есть и другие. Можно недурно позавтракать натюрмортами Караваджо – осенними грушами и темными, как полночь, сливами. А на обед – брызжащие огнем подсолнухи Ван Гога на мощных стеблях; их цветение постигнет и слепец, пробежав обожженными пальцами по пламенному холсту. Но истинное пиршество? Полотна, которыми хочешь по-настоящему насладиться? Кто заполнит весь горизонт от края до края, словно Нептун, встающий из вод в венце из алебаstra и коралла: когтистые пальцы сжимают, подобно трезубцу, большущие кисти, а взмах огромного рыбьего хвоста обдаст летним ливнем весь Гибралтар, – кто, если не создатель «Девушки перед зеркалом» и «Герники»?

– Элис, – терпеливо сказал Джордж, – как тебе объяснить? Всю дорогу в поезде я думал: боже милостивый, ведь вокруг – страна Пикассо!

Но так ли, спрашивал он себя. Небо, земля, люди; тут румяный кирпич, там ярко-голубая узорная решетка балкона; и мандолина, будто спелый плод, под несчетными касаниями чьих-то рук, и клочки афиш – летучее конфетти на ночном ветру... Сколько тут от Пикассо, а сколько – от Джорджа Смита, озирающего мир неистовым взором Пикассо? Нет, не найти ответа. Этот старик насквозь пропитал Джорджа Смита скипидаром и олифой, преобразил все его бытие: в сумерки сплошь Голубой период, на рассвете сплошь – Розовый.

– Я все думаю, – сказал он вслух, – если бы мы отложили денег...

– Никогда нам не отложить пяти тысяч долларов.

– Знаю, – тихо согласился он. – Но как славно думать, а вдруг когда-нибудь это удастся. Как бы здорово просто прийти к нему и сказать: «Пабло, вот пять тысяч! Дай нам море, песок, вот это небо, дай что хочешь, из старого, мы будем счастливы...»

Выждав минуту, жена коснулась его плеча.

– Иди-ка лучше окунись, – сказала она.

– Да, – сказал он, – так будет лучше.

Он врезался в воду, фонтаном взметнулось белое пламя.

До вечера Джордж Смит окунался и вновь и вновь выходил на берег со множеством других, то опаленных жаркими лучами, то освеженных прохладной волной, и наконец, когда солнце уже клонилось к закату, эти люди с кожей всех оттенков, кто – цвета омара, кто – жареного цыпленка, кто – белой цесарки, устало поплелись к своим отелям, похожим на свадебные пироги.

На опустелом берегу, что протянулся на мили и мили, остались только двое. Один – Джордж Смит с полотенцем через плечо, готовый совершить вечерний обряд.

А издали, в мирном безветрии, шел по пустынному берегу еще один человек, невысокий, коренастый. Он загорел сильнее, солнце окрасило его бритую голову в цвет красного дерева, на темном лице светились глаза, ясные и прозрачные, как вода.

Итак, вот он, берег – сцена перед началом спектакля, и через считанные минуты эти двое встретятся. Снова, в который раз, судьба кладет на чаши весов потрясения и неожиданности, встречи и расставания. А меж тем два одиноких путника вовсе не задумывались о потоке внезапных совпадений, подстерегающих каждого во всякой толпе, в любом городе. Ни тому, ни другому не приходило на ум, что, если осмелишься погрузиться в этот поток, можно ухватить полные горсти чудес. Подобно многим, они только отмахнулись бы от такого вздора и преспокойно остались бы на берегу, не столкни их в поток сама Судьба.

Незнакомец остановился в одиночестве. Огляделся, увидел, что один, увидел чарующие воды залива и солнце, утопающее в последнем многоцветье дня, потом обернулся и заметил на песке щепочку. То была всего лишь тонкая палочка из-под давно растаявшего лимонного мороженого. Он улыбнулся и подобрал ее. Опять огляделся и, уверясь, что он здесь один, снова наклонился и бережно держа палочку, легкими взмахами руки стал делать то, что умел лучше всего на свете.

Он стал рисовать на песке немыслимые фигуры. Набросал одну, шагнул дальше и, не поднимая глаз, теперь уже весь поглощенный работой, нарисовал еще одну, потом третью, четвертую, пятую, шестую...

Джордж Смит шел по берегу, оставляя следы на песке, глядел вправо, глядел влево, потом увидел впереди незнакомца. Подходя ближе, Джордж Смит увидел, что человек этот, бронзовый от загара, низко наклонился. Джордж Смит подошел еще ближе и понял, чем тот занимается. И усмехнулся. Ну да, конечно... этот тип на берегу – сколько ему, шестьдесят пять, семьдесят? – что-то там выцарапывает, чертит. Песок так и летит во все стороны! Нелепые образы так и разлетаются по берегу! И так...

Джордж Смит сделал еще шаг – и замер.

Незнакомец рисовал, рисовал и, видно, не замечал, что кто-то стоит у него за плечом, рядом с миром, возникающим под его рукой на песке. От всего отрешенный, он был одержим вдохновением: взорвись в заливе глубинные бомбы, даже это не остановило бы полета его руки, не заставило бы обернуться.

Джордж Смит смотрел на песок. Долго смотрел, и вот его бросило в дрожь.

Ибо здесь, на гладком берегу, возникли греческие львы и козы Средиземноморья и девы с плотью из песка, словно тончайшая золотая пыльца, играли на свирелях сатиры и танцевали дети, разбрасывая цветы дальше и дальше, скакали следом по берегу резвые ягнята, перебирали струны арф и лир музыканты, единороги уносили юных всадников к далеким лугам и лесам, к руинам храмов и вулканам. Не уставала рука одержимого, он не разгибался, охваченный лихорадкой, пот катил с него градом, и струилась непрерывная линия, вилась, изгибалась, деревянное стило металось вверх, вниз, вдоль, поперек, кружило, петляло, чертило, шуршало, замирало и несло дальше, словно эта неудержимая вакханалия непременно должна достичь блистательного завершения прежде, чем волны погасят солнце. На двадцать, на тридцать ярдов и еще дальше пронеслись вереницей загадочных иероглифов нимфы, дриады, взметнулись струи летних ключей. В закатном свете песок стал точно расплавленная медь, несущая послание всем и каждому, пусть бы читали и наслаждались годы и годы. Все кружило и замирало, подхваченное собственным вихрем, повинуюсь своим особым законам тяготения. Вот пляшут на щедрых гроздьях дочери виноградаря, брызжет алый сок из-под ступней, вот из курящихся туманами вод рождаются чудища в кольчуге чешуи, а летучие паруса облаков испещрены узорчатыми воздушными змеями... а вот еще... и еще... и еще...

Художник остановился.

Джордж Смит отпрянул и застыл.

Художник поднял глаза, удивленный неожиданным соседством. Постоял, переводя глаза с Джорджа Смита на свое творение, что протянулось по песчаной полосе, словно следы праздного пешехода. И наконец с улыбкой пожал плечами, словно говоря: смотрите, что я наделал, видали такое ребячество? Ведь вы меня извините? Рано или поздно всем нам случается свалить дурака... может быть, и с вами бывало? Так простим старому сумасброду эту выходку, а? Вот и хорошо!

Но Джордж Смит только и мог смотреть на невысокого человека с высмугленной солнцем кожей и ясными зоркими глазами да единственный раз еле слышно прошептал его имя.

Так они стояли, пожалуй, еще секунд пять, Джордж Смит жадно разглядывал песчаный фриз, а художник присматривался к нему с насмешливым любопытством. Джордж Смит открыл было рот – и закрыл, протянул руку – и отдернул. Шагнул к картине, отступил. Потом пошел вдоль вереницы изображений, как шел бы человек, рассматривая бесценные мраморные статуи, оставшиеся на берегу от каких-нибудь древних руин. Он смотрел не мигая, рука жаждала коснуться изображений, но не смела. Хотелось бежать, но он не побежал.

Вдруг он посмотрел в сторону гостиницы. Бежать, да! Бежать! А что дальше? Схватить лопату, вынуть, выкопать, спасти хоть толику ненадежной, сыпучей песчаной ленты? Найти мастера-формовщика, примчаться с ним сюда, пускай сделает гипсовый слепок хотя бы с малой хрупкой доли? Нет, нет. Глупо, глупо. Или?.. Взгляд его метнулся к окну гостиничного номера. Фотоаппарат! Бежать, схватить аппарат – и скорей с ним по берегу, щелкать затвором, перекручивать пленку, снимать и снимать, пока...

Джордж Смит круто обернулся, глянул на солнце. Теплые лучи коснулись его лица, зажгли два огонька в зрачках. Солнце уже наполовину погрузилось в воду – и на глазах у Джорджа Смита за считанные секунды затонуло совсем.

Художник подошел ближе и теперь смотрел в лицо Джорджу Смиту с бесконечно дружеской добротой, будто угадывал каждую его мысль. И вот слегка кивнул. И вот пальцы его небрежно выронили палочку от мороженого. И вот он уже говорит: до свиданья, до свиданья. И вот он шагает по берегу к югу... ушел.

Джордж Смит стоял и смотрел ему вслед. Так прошла долгая минута, а потом он сделал то, что только и мог. От самого начала он двинулся вдоль фантастического фриза, медленно шел он по берегу мимо фавнов и сатиров, и мимо дев, пляшущих на виноградных гроздьях, и горделивых единорогов, и юношей, играющих на свирели. Долго шел он, не сводя глаз с этой вольно летящей вакханалии. Дошел до конца вереницы зверей и людей, повернул и пошел обратно, все так же опустив глаза, словно что-то потерял и не знает

толком, где искать. Так ходил он взад и вперед, пока не осталось света ни в небесах, ни на песке и уже ничего нельзя было разглядеть.

* * *

Он сел к столу ужинать.

- Как ты поздно, - сказала жена. - Я не могла дожждаться, спустилась в ресторан одна. Я умираю с голоду.

- Ну ничего, - сказал он.

- Интересная была прогулка?

- Нет, - сказал он.

- Какой-то ты странный, Джордж. Ты что, заплыл слишком далеко и чуть не утонул? По лицу вижу! Ты заплыл слишком далеко, да?

- Да, - сказал он.

- Ну хорошо, - сказала жена, не сводя с него глаз. - Только никогда больше так не делай. А теперь... что будешь есть?

Он взял меню, стал просматривать и вдруг застыл.

- Что случилось? - спросила жена.

Он повернул голову, зажмурился.

- Слушай.

Жена прислушалась.

- Ничего не слышу, - сказала она.

- Не слышишь?

- Нет. А что такое?

- Прилив начался, - сказал он не сразу, он все еще сидел не шевелясь, не открывая глаз. - Просто начался прилив.

Дракон[2 - Перевод Норы Галь]

Ничто не шелохнется на бескрайней болотистой равнине, лишь дыхание ночи колышет невысокую траву. Уже долгие годы ни одна птица не пролетала под огромным слепым щитом небосвода. Когда-то, давным-давно, тут притворялись живыми мелкие камешки - они крошились и рассыпались в пыль. Теперь в душе двух людей, что сгорбились у костра, затерянные среди пустыни, шевелится одна только ночь; тьма тихо струится по жилам, мерно, неслышно стучит в висках.

Отсветы костра пляшут на бородатых лицах, дрожат оранжевыми всплесками в глубоких колодцах зрачков. Каждый прислушивается к ровному, спокойному дыханию другого и даже слышит, кажется, как медленно, точно у ящерицы, мигают веки. Наконец один начинает мечом ворошить уголья в костре.

- Перестань, глупец, ты нас выдашь!

- Что за важность, - отвечает тот, другой. - Дракон все равно учует нас издалека. Ну и холодище. Боже милостивый! Сидел бы я лучше у себя в замке.

- Мы ищем не сна, но смерти...

- А чего ради? Ну чего ради? Дракон ни разу еще не забирался в наш город!

- Тише ты, дурень! Он пожирает всех, кто путешествует в одиночку между нашим городом и соседним.

– Ну и пусть пожирает, а мы вернемся домой!

– Тсс... слышишь?

Оба замерли.

Они ждали долго, но в ночи лишь пугливо подрагивали спины коней, точно бархатный черный бубен, да едва-едва позванивали серебряные стремяна.

– Страшные наши места, – вздохнул второй. – Тут добра не жди. Кто-то задувает солнце – и сразу ночь. И уж тогда, тогда... Господи, ты только послушай! Говорят, у этого дракона из глаз – огонь. Дышит он белым паром, издали видно, как он мчится по темным полям. Несется в серном пламени и громе и поджигает траву. Овцы в страхе кидаются врассыпную и, обезумев, издыхают. Женщины рожают чудовищ. От ярости дракона сотрясаются стены, башни рушатся и обращаются в прах. На рассвете холмы усеяны телами жертв. Скажи, сколько рыцарей уже выступили против этого чудовища и погибли, как погибнем и мы?

– Хватит, надоело!

– Как не надоест! Среди этого запустения я даже не знаю, какой год на дворе!

– Девятисотый от Рождества Христова.

– Нет, нет, – зашептал другой и зажмурился. – Здесь, на равнине, нет Времени – только Вечность. Я чувствую, вот выбежать назад, на дорогу, а там все не так, города как не бывало, жители еще и не родились, камень для крепостных стен еще не добыт из каменоломен, бревна не спилены в лесах. Не спрашивай, откуда я это знаю, сама равнина знает и подсказывает мне. А мы сидим тут одни в стране огненного дракона. Боже, спаси нас и помилуй!

– Затаи страх в душе, но не забудь меч и латы!

– Что толку? Дракон приносится неведомо откуда, мы не знаем, где его жилище. Он исчезает в тумане – мы не знаем, куда он скрывается. Что ж, наденем доспехи и встретим смерть во всеоружии.

Не успев застегнуть серебряные латы, второй вновь застыл и обернулся.

По сумрачному краю, где царили тьма и пустота, из самого сердца равнины сорвался ветер и принес пыль, что струится в часах, прахом отмеряющих бег времени. В глубине этого невиданного вихря пылали черные солнца и неслись мириады сожженных листьев, сорванных неведомо с каких осенних деревьев где-то за околом. Под этим жарким вихрем таяли луга и холмы, кости истончались, словно белый воск, кровь мутилась и густела и медленно оседала в мозгу. Вихрь налетал, и это летели тысячи погибающих в смятенном времени душ. Это был сумрак, объятый туманом, объятый тьмою, и тут не место было человеку, и не было ни дня, ни часа – время исчезло, остались только эти двое в безликой пустоте, во внезапной леденящей буре, в белом громе, что надвигался за прозрачным зеленым щитом ниспадающих молний. По траве хлестнул ливень; и снова все стихло, и в холодной тьме, в бездыханной тиши только и осталось живого тепла что эти двое.

– Вот, – прошептал первый. – Вот оно!..

Вдалеке, за много миль, оглушительно загремело, взревело – мчался дракон.

В молчании оба опоясались мечами и сели на коней. Первозданную полуночную тишину разорвало грозное шипение, дракон стремительно надвигался – ближе, ближе; над гребнем холма сверкнули свирепые огненные очи, возникло что-то темное, неясное, сползло, извиваясь, в долину и скрылось.

– Скорей!

Они пришпорили коней и поскакали к ближней лощине.

– Он пройдет здесь!

Поспешно закрыли коням глаза шорами, руками в железных перчатках подняли копьё.

– Боже правый!

– Да, будем уповать на Господа.

Миг – и дракон обогнул косогор. Огненно-рыжий глаз чудища впился в них, на доспехах вспыхнули алые искры и отблески. С ужасающим надрывным воплем и скрежетом дракон рванулся вперед.

– Помилуй нас, Боже!

Копье ударило под желтый глаз без век, согнулось – и всадник вылетел из седла. Дракон сшиб его с ног, повалил, подмял. Мимоходом задел черным жарким плечом второго коня и отшвырнул вместе с седоком прочь, за добрых сто футов, и они разбились об огромный валун, а дракон с надрывным пронзительным воем и свистом промчался дальше, весь окутанный рыжим, алым, багровым пламенем, в огромных мягких перьях слепящего, едкого дыма.

– Видал? – воскликнул кто-то. – Все в точности как я тебе говорил!

– То же самое, точь-в-точь! Рыцарь в латах, вот лопни мои глаза! Мы его сшибли!

– Ты остановишься?

– Уж пробовал раз. Ничего не нашел. Неохота останавливаться на этой пустоши. Жуть берет. Что-то тут нечисто.

– Но ведь кого-то мы сбили!

– Я свистел вовсю, малый мог посторониться, а он и не двинулся!

Вихрем разорвало пелену тумана.

– В Стокли прибудем вовремя. Подбрось-ка угля, Фред.

Новый свисток стряхнул капли росы с пустого неба. Дыша огнем и яростью, ночной скорый пронесся по глубокой лощине, с разгону взял подъем и скрылся, исчез безвозвратно в холодной дали на севере, остались лишь черный дым и пар – и еще долго таяли в оцепенелом воздухе.

Лекарство от меланхолии[3 - Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой]

- Пошлите за пиявками: ей нужно сделать кровопускание, - заявил доктор Джимп.

- У нее уже и так не осталось крови! - воскликнула миссис Уилкес. - О доктор, что томит нашу Камиллу?

- С ней не все в порядке.

- Да?

Добрый доктор нахмурился:

- Она нездорова.

- Продолжайте, продолжайте!

- Не вызывает сомнения: она угасает как свеча.

- О, доктор Джимп, - запротестовал мистер Уилкес. - Вы же повторяете то, что вам говорили мы, когда вы только пришли в наш дом!

- Нет, вы не правы! Давайте ей эти пилюли на рассвете, в полдень и на закате солнца. Превосходное средство!

- Проклятье, она уже нафарширована превосходными средствами!

- Ну-ну! С вас шиллинг, сэр, я спускаюсь вниз.

- Идите и пришлите сюда дьявола!

Мистер Уилкес сунул монету в руку доброго доктора.

Пока врач спускался по лестнице, с громким сопением нюхая табак и чихая, на многолюдных улицах Лондона наступило сырое утро весны 1762 года.

Мистер и миссис Уилкес повернулись к постели, где лежала их любимая Камилла, бледная и похудевшая, но все еще очень хорошенькая, с большими влажными сиреневыми глазами. По подушке золотым потоком струились волосы.

– О, – чуть не плакала она, – что со мной случилось? С начала весны прошло три недели, в зеркале я вижу лишь призрак; я сама себя пугаю. Мне страшно подумать, что я умру, не дожив до своего двадцатого дня рождения.

– Дитя мое, – сказала мать, – что у тебя болит?

– Мои руки. Мои ноги. Моя грудь. Моя голова. Сколько докторов – шесть? – поворачивали меня, словно мясо на вертеле. Не хочу больше. Дайте мне спокойно отойти в мир иной.

– Какая ужасная, какая таинственная болезнь, – пролепетала мать. – Сделай что-нибудь, мистер Уилкес!

– Что? – сердито спросил мистер Уилкес. – Она не хочет видеть врачей, аптекарей или священников – аминь! – а они очень скоро разорят меня! Может, мне следует сбегать на улицу и привести мусорщика?

– Да, – услышался голос.

– Что?! – Все трое повернулись посмотреть на того, кто произнес эти слова.

Они совсем забыли о младшем брате Камиллы, Джейми, который стоял у дальнего окна и ковырял в зубах. Он невозмутимо смотрел вдаль, туда, где шумел Лондон и шел дождь.

– Четыреста лет назад, – совершенно спокойно проговорил Джейми, – именно так и поступили. И это помогло. Нет, не надо приводить мусорщика сюда. Давайте поднимем Камиллу вместе с кроватью и всем остальным, снесем ее вниз по лестнице и поставим возле входной двери.

- Почему? Зачем?

- За один час, - Джейми вскинул глаза - он явно считал, - мимо наших ворот проходит тысяча людей. За день двадцать тысяч пробегают, проезжают или ковыляют по нашей улице. Каждый из них увидит мою несчастную сестру, пересчитает ее зубы, потрогает мочки ушей, и все, можете не сомневаться, все до единого захотят предложить свое самое превосходное средство, которое наверняка ее излечит! Одно из них обязательно окажется тем, что нам нужно!

- О! - только и смог произнести пораженный мистер Уилкес.

- Отец, - взволнованно продолжал Джейми. - Неужели ты встречал хотя бы одного человека, который не полагал бы, что он способен написать «Materia Medica»:[4 - Целительные средства как основа лекарств (лат.).] вот эта зеленая мазь отлично лечит больное горло, а бычий бальзам - опухоли? Прямо сейчас десять тысяч самозванных аптекарей проходят мимо нашего дома, и их мудрость пропадает зря!

- Джейми, мальчик, ты меня удивляешь!

- Прекратите! - вмешалась миссис Уилкес. - Моя дочь никогда не будет выставлена на всеобщее обозрение на этой или любой другой улице...

- Тьфу, женщина! - оборвал мистер Уилкес. - Камилла тает как льдинка, а ты не хочешь вынести ее из этой жаркой комнаты? Давай, Джейми, поднимай кровать!

Миссис Уилкес повернулась к дочери:

- Камилла?

- Я могу с тем же успехом умереть под открытым небом, - заявила Камилла, - где свежий ветерок будет перебирать мои локоны, пока я...

- Вздор! - возразил мистер Уилкес. - Ты не умрешь, Камилла. Джейми, поднимай! Ха! Сюда! С дороги, жена! Давай, мой мальчик, выше!

- О! - воскликнула Камилла слабым голосом. - Я лечу, лечу...

Совершенно неожиданно над Лондоном вдруг засияло чистое голубое небо. Горожане, удивленные такой переменной погоды, высыпали на улицы, им не терпелось что-нибудь увидеть, сделать, купить. Слепые пели, собаки прыгали, клоуны вертелись и кувыркались, дети играли в классики и мяч, словно наступило время карнавала.

И в этот шум и гам с покрасневшими от напряжения лицами Джейми и мистер Уилкес несли Камиллу, которая, будто папа римский, только женского пола, с закрытыми глазами возлежала на своей койке-портшезе и молилась.

– Осторожней! – кричала миссис Уилкес. – О, она умерла!.. О нет... Опустите ее на землю. Полегче!

Наконец кровать была поставлена рядом со стеной дома так, чтобы людской поток, стремительно несущийся мимо, мог обратить внимание на Камиллу – большую бледную куклу, выставленную, словно приз, на солнце.

– Принеси перо, чернила и бумагу, сын, – сказал мистер Уилкес. – Я запишу симптомы, о которых станут говорить прохожие, и предложенные ими способы лечения. Вечером мы все отсортируем. А сейчас...

Однако какой-то человек из толпы уже внимательно разглядывал Камиллу.

– Она больна! – заявил он.

– Ага, – радостно кивнул мистер Уилкес. – Началось. Перо, мой мальчик. Вот так. Продолжайте, сэр!

– С ней не все в порядке. – Человек нахмурился. – Она плохо выглядит.

«Плохо выглядит...» – записал мистер Уилкес, а потом с подозрением посмотрел на говорившего.

– Сэр? Вы, случайно, не врач?

– Да, сэр.

– Так я и думал, я узнал эти слова! Джейми, возьми мою трость и гони его в шею. Уходите, сэр, и побыстрее!

Однако человек не стал ждать и, ругаясь и раздраженно размахивая руками, торопливо зашагал прочь.

– Она больна, она плохо выглядит... Фу! – передразнил его мистер Уилкес, но был вынужден остановиться. Потому что высокая и худая, словно призрак, только что восставший из могилы, женщина показывала пальцем на Камиллу Уилкес.

– Меланхолия, – произнесла она нараспев.

«Меланхолия», – запечатлел на бумаге ее слова довольный мистер Уилкес.

– Отек легких, – бубнила женщина.

«Отек легких», – писал сияющий мистер Уилкес.

– Вот это совсем другое дело! – пробормотал он себе под нос.

– Необходимо лекарство от меланхолии, – негромко продолжала говорить женщина. – Есть ли у вас в доме порошок мумий для приготовления лекарств? Самые лучшие мумии – египетские, арабские и ливийские, они очень помогают при магнитных расстройствах. Спросите цыганку на Флодден-роуд. Я продаю каменную петрушку, благовония для мужчин...

– Флодден-роуд, каменная петрушка... Не так быстро, женщина!

– Опобальзам, понтийская валериана...

– Подожди, женщина! Опобальзам, да! Джейми, останови ее!

Но женщина продолжала, не обращая на него внимания.

Подошла молоденькая девушка, лет семнадцати, и посмотрела на Камиллу Уилкес.

- Она...

- Один момент! - Мистер Уилкес продолжал лихорадочно писать. - ...Магнитные расстройства, понтийская валериана... А, пропади ты пропадом! Юная леди, что вы видите на лице моей дочери? Вы так пристально на нее смотрите, даже перестали дышать. Ну, каково ваше мнение?

- Она... - Казалось, странная девушка пытается заглянуть Камилле в глаза, потом она смутилась и, заикаясь, проговорила: - Она страдает от... от...

- Ну, говори же!

- Она... она... о!

И девушка, бросив последний сочувственный взгляд на Камиллу, стремительно скрылась в толпе.

- Глупая девчонка!

- Нет, папа, - пробормотала Камилла, глаза которой вдруг широко раскрылись. - Совсем не глупая. Она увидела. Она знает. О, Джейми, догони ее, заставь сказать!

- Нет, она ничего не предложила! А вот цыганка - ты только посмотри на список!

- Да, папа.

Еще более побледневшая Камилла закрыла глаза.

Кто-то громко откашлялся.

Мясник, фартук которого покраснел от кровавых боев, тербил роскошные усы.

- Я видел коров с похожим выражением глаз, - сказал он. - Мне удавалось спасти их при помощи бренди и трех свежих яиц. Зимой я и сам с огромной пользой для здоровья принимаю этот эликсир...

– Моя дочь не корова, сэр! – Мистер Уилкес отбросил в сторону перо. – И не мясник в январе! Отойдите в сторону, сэр, своей очереди ждут другие!

И действительно, вокруг собралась здоровенная толпа – всем не терпелось рассказать о своем любимом средстве, порекомендовать страну, где редко идет дождь и солнце светит чаще, чем в Англии или в вашей Южной Франции. Старики и женщины, в особенности врачи, как и все пожилые люди, спорили друг с другом, оцетинившись тросточками и фалангами костылей.

– Отойдите! – с тревогой воскликнула миссис Уилкес. – Они раздавят мою дочь, как весеннюю ягодку!

– Прекратите напирать! – закричал Джейми, схватил несколько тросточек и костылей и отбросил их в сторону.

Толпа зашевелилась, владельцы бросились на поиски своих дополнительных конечностей.

– Отец, я слабею, слабею... – задыхалась Камилла.

– Отец! – воскликнул Джейми. – Есть только один способ остановить это нашествие! Нужно брать с них деньги! Заставить платить за право дать совет!

– Джейми, ты мой сын! Быстро напиши объявление! Послушайте, люди! Два пенса! Становитесь, пожалуйста, в очередь! Два пенса за то, чтобы рассказать об известном только вам, самом великолепном лекарстве на свете! Готовьте деньги заранее! Вот так. Вы, сэр. Вы, мадам. И вы, сэр. А теперь – мое перо! Начинаем!

Толпа кипела, как темная морская пучина. Камилла открыла глаза, а потом снова впала в обморочное состояние.

Наступило время заката, улицы почти опустели, лишь изредка мимо проходили последние гуляющие. Веки Камиллы затрепетали, она услышала знакомый звон.

– Триста девяносто пять фунтов и четыреста пенсов! – Мистер Уилкес бросал последние монеты в сумку, которую держал его ухмыляющийся сын. – Вот так!

– Теперь вы сможете нанять для меня красивый черный катафалк, – сказала бледная девушка.

– Помолчи! Семья моя, вы могли себе представить, что двести человек захотят заплатить только за то, чтобы высказать нам свое мнение по поводу состояния Камиллы?

– Очень даже могли, – кивнула миссис Уилкес. – Жены, мужья и дети не умеют слушать друг друга. Поэтому люди охотно платят за то, чтобы на них хоть кто-нибудь обратил внимание. Бедняги, они думают, что только им дано распознать ангину, водянку, сап и крапивницу. Поэтому сегодня мы богаты, а две сотни людей счастливы, поскольку вывалили перед нами содержимое своих медицинских сумок.

– Господи, нам пришлось выставлять их вон, а они огрызались, как нашкодившие щенки.

– Прочитай список, отец, – предложил Джейми. – Там двести лекарств. Какое следует выбрать?

– Не надо, – прошептала Камилла, вздыхая. – Становится темно. У меня в животе все сжимается от бесконечных названий! Вы можете отнести меня наверх?

– Да, дорогая. Джейми, поднимай!

– Пожалуйста, – произнес чей-то голос.

Склонившийся человек поднял взгляд. Перед ними стоял ничем не примечательный мусорщик, с лицом, покрытым сажой, однако на нем сияли яркие голубые глаза и белозубая улыбка. Когда он говорил – совсем тихо, кивая головой, – с рукавов его темной куртки и штанов сыпалась пыль.

– Мне не удалось пробиться сквозь толпу, – сказал он, держа грязную шапку в руках. – А теперь я возвращаюсь домой и могу с вами поговорить. Я должен заплатить?

– Нет, мусорщик, тебе не нужно платить, – мягко сказала Камилла.

- Подожди... - запротестовал мистер Уилкес.

Но Камилла нежно посмотрела на него, и он замолчал.

- Благодарю вас, мадам. - Улыбка мусорщика сверкнула в сгущающихся сумерках, как теплый солнечный луч. - У меня есть всего один совет.

Он взглянул на Камиллу. Камилла не спускала с него глаз.

- Кажется, сегодня канун дня святого Боско, мадам?

- Кто знает? Только не я, сэр! - заявил мистер Уилкес.

- А я в этом уверен, сэр. Кроме того, сегодня полнолуние. Поэтому, - кротко проговорил мусорщик, не в силах оторвать взгляда от прелестной больной девушки, - вы должны оставить вашу дочь под открытым небом, в свете восходящей луны.

- Одну, в свете луны! - воскликнула миссис Уилкес.

- А она не станет лунатиком? - спросил Джейми.

- Прошу прощения, сэр. - Мусорщик поклонился. - Полная луна утешает всех, кто болен, - людей и диких животных. В сиянии полной луны есть безмятежность, в прикосновении ее лучей - спокойствие, умиротворяющее воздействие на ум и тело.

- Может пойти дождь... - с беспокойством сказала мать Камиллы.

- Я клянусь, - перебил ее мусорщик. - Моя сестра страдала от такой же обморочной бледности. Мы оставили ее весенней ночью, как лилию в вазе, наедине с полной луной. Она и по сей день живет в Суссексе, позабыв обо всех болезнях!

- Позабыв о болезнях! Лунный свет! И не будет нам стоить ни одного пенни из тех четырех сотен, что мы заработали сегодня! Мать, Джейми, Камилла...

– Нет! – твердо сказала миссис Уилкес. – Я этого не потерплю!

– Мама! – сказала Камилла. – Я чувствую, что луна вылечит меня, вылечит, вылечит...

Мать вздохнула:

– Сегодня, наверное, не мой день и не моя ночь. Разрешите тогда поцеловать тебя в последний раз. Вот так.

И мать поднялась по лестнице в дом.

Теперь пришел черед мусорщика, который начал пятиться назад, кланяясь всем на прощание.

– Всю ночь, помните: под луной, до самого рассвета. Спите крепко, юная леди. Пусть вам приснятся самые лучшие сны. Спокойной ночи.

Сажу поглотила сажа; человек исчез.

Мистер Уилкес и Джейми поцеловали Камиллу в лоб.

– Отец, Джейми, – сказала она, – не беспокойтесь.

И ее оставили одну смотреть туда, где, как показалось Камилле, она еще видела висящую в темноте мерцающую улыбку, которая вскоре скрылась за углом.

Она ждала, когда же на небе появится луна.

* * *

Ночь опустилась на Лондон. Все глуше голоса в гостиницах, реже хлопают двери, слышатся слова пьяных прощаний, бьют часы. Камилла увидела кошку, которая прошла мимо, словно женщина в мехах, и женщину, похожую на кошку, – обе мудрые, несущие в себе Древний Египет, обе источали пряные ароматы ночи.

Каждые четверть часа сверху доносился голос:

- Все в порядке, дитя мое?

- Да, отец.

- Камилла?

- Мама, Джейми, у меня все хорошо.

И наконец:

- Спокойной ночи.

- Спокойной ночи.

Погасли последние огни. Лондон погрузился в сон.

Взошла луна.

И чем выше поднималась луна, тем шире открывались глаза Камиллы, когда смотрела она на аллеи, дворы и улицы, пока наконец в полночь луна не оказалась над ней и засияла, словно мраморная фигура над древней усыпальницей.

Движение в темноте.

Камилла насторожилась.

Слабая, едва слышная мелодия поплыла в воздухе.

В тени двора стоял человек.

Камилла тихонько вскрикнула.

Человек сделал шаг вперед и оказался в лучах лунного света. В руках он держал лютню, струны которой перебирал, едва касаясь пальцами. Это был хорошо одетый мужчина, на его красивом лице застыло серьезное выражение.

- Трубадур, - прошептала Камилла.

Человек, не говоря ни слова, приложил палец к губам и медленно приблизился к ее кровати.

- Что вы здесь делаете, ведь сейчас так поздно? - спросила девушка.

Она совсем не боялась - сама не зная почему.

- Меня послал друг, чтобы я вас вылечил.

Трубадур коснулся струн лютни. И они сладкозвучно запели.

- Этого не может быть, - возразила Камилла, - потому что было сказано: меня вылечит луна.

- Так оно и будет, дева.

- А какие песни вы поете?

- Песни весенних ночей, боли и недугов, не имеющих имени. Назвать ли мне вашу лихорадку, дева?

- Если вы знаете, да.

- Во-первых, симптомы: перемены температуры, неожиданный холод, сердце бьется то совсем медленно, то слишком быстро, приступы ярости сменяются умиротворением, опьянение от глотка колодезной воды, головокружение от простого касания руки - вот такого...

Он чуть дотронулся до ее запястья, заметил, что она готова лишиться чувств, и отпрянул.

- Депрессия сменяется восторгом, - продолжал трубадур. - Сны...

- Остановитесь! - в изумлении воскликнула Камилла. - Вы знаете про меня все. А теперь назовите имя моего недуга!

- Я назову. - Он прижал губы к ее ладони, и Камилла затрепетала. - Имя вашего недуга - Камилла Уилкес.

- Как странно. - Девушка дрожала, ее глаза горели сиреневым огнем. - Значит, я - моя собственная болезнь? Как сильно я заставила себя заболеть! Даже сейчас мое сердце это чувствует.

- Я тоже.

- Мои руки и ноги, от них пышет летним жаром!

- Да. Они обжигают мне пальцы.

- Но вот подул ночной ветер - посмотрите, как я дрожу, мне холодно! Я умираю, клянусь вам, я умираю!

- Я не дам тебе умереть, - спокойно сказал трубадур.

- Значит, вы доктор?

- Нет, я самый обычный целитель, как и тот, другой, что сумел сегодня вечером разгадать причину твоих бед. Как девушка, что знала имя болезни, но скрылась в толпе.

- Да, я поняла по ее глазам: она догадалась, что со мной стряслось. Однако сейчас мои зубы выбивают дробь. А у меня даже нет второго одеяла!

- Тогда подвинься, пожалуйста. Вот так. Дай-ка я посмотрю: две руки, две ноги, голова и тело. Я весь тут!

- Что такое, сэръ?

– Я хочу согреть тебя в холодной ночи.

– Как печка. О сэр, сэр, я вас знаю? Как вас зовут?

Тень от его головы упала на голову Камиллы. Она снова увидела чистые, как озерная вода, глаза и ослепительную белозубую улыбку.

– Меня зовут Боско, конечно же, – сказал он.

– А есть ли святой с таким именем?

– Дай мне час, и ты станешь называть меня этим именем.

Его голова склонилась ниже. Полумрак сыграл роль сажи, и девушка радостно вскрикнула: она узнала своего мусорщика!

– Мир вокруг меня закружился! Я сейчас потеряю сознание! Лекарство, мой милый доктор, или все пропало!

– Лекарство, – сказал он. – А лекарство таково...

Где-то запели кошки. Туфля, выброшенная из окошка, заставила их спрыгнуть с забора. Потом улица снова погрузилась в тишину, и луна вступила в свои владения...

* * *

– Шшш...

Рассвет. На цыпочках спустившись вниз, мистер и миссис Уилкес заглянули в свой дворик.

– Она замерзла до смерти этой ужасной холодной ночью, я знаю!

- Нет, жена, посмотри! Она жива! На ее щеках розы! Нет, больше того - персики, хурма! Она вся светится молочно-розовой белизной! Милая Камилла, живая и здоровая, ночь сделала тебя прежней!

Родители склонились над крепко спящей девушкой.

- Она улыбается, ей снятся сны. Что она говорит?

- Превосходное средство, - выдохнула Камилла.

- Что, что?

Не просыпаясь, девушка улыбнулась снова, ее улыбка была счастливой.

- Лекарство, - пробормотала она, - от меланхолии.

Камилла открыла глаза.

- О мама, отец!

- Дочка! Дитя! Пойдем наверх!

- Нет. - Она нежно взяла их за руки. - Мама? Папа?

- Да?

- Никто не увидит. Солнце еще только встает над землей. Пожалуйста. Потанцуйте со мной.

Они не хотели танцевать. Но, празднуя совсем не то, что они думали, мистер и миссис Уилкес пустились в пляс.

Конец начальной поры[5 - Перевод Норы Галь]

Он почувствовал: вот сейчас, в эту самую минуту, солнце зашло и проглянули звезды – и остановил косилку посреди газона. Свежескошенная трава, обрызгавшая его лицо и одежду, медленно подсыхала. Да, вот уже и звезды – сперва чуть заметные, они все ярче разгораются в ясном пустынном небе. Он услышал, как затворилась дверь – на веранду вышла жена, – и он почувствовал на себе ее внимательный взгляд.

– Уже скоро, – сказала она.

Он кивнул: ему незачем было смотреть на часы. Ощущения его поминутно менялись: он казался сам себе то глубоким стариком, то мальчишкой, его бросало то в жар, то в холод. Вдруг он перенесся за много миль от дома. Это уже не он, это его сын надевает летнюю форму, проверяет запасы еды, баллоны с кислородом, шлем, скафандр, прикрывая размеренными словами и быстрыми движениями громкий стук сердца, вновь и вновь охватывающий страх, – и, как все и каждый в этот вечер, запрокидывает голову и смотрит в небо, где становится все больше звезд. И вдруг он очутился на прежнем месте, он снова – только отец своего сына, и снова ладони его сжимают рычаг косилки.

– Иди сюда, посидим на веранде, – позвала жена.

– Лучше я буду заниматься делом!

Она спустилась с крыльца и подошла к нему.

– Не тревожься за Роберта, все будет хорошо.

– Уж очень это ново и непривычно, – услышал он собственный голос. – Никогда такого не бывало. Подумать только – люди летят в ракете строить первую внеземную станцию. Господи Боже, да это просто невозможно, ничего этого нет – ни ракеты, ни испытательной площадки, ни срока отлета, ни строителей. Может, и сына по имени Боб у меня никогда не было. Не умещается все это у меня в голове!

– Тогда чего ты тут стоишь и смотришь?

Он покачал головой.

– Знаешь, сегодня утром иду я на работу и вдруг слышу – кто-то хохочет. Я так и стал посреди улицы как вкопанный. Оказывается, это я сам хохотал! А почему? Потому что наконец понял – Боб и вправду нынче летит! Наконец я в это поверил. Никогда я зря не ругаюсь, а тут стал столбом у всех на дороге и думаю: чудеса, разрази меня гром! А потом сам не заметил, как запел. Знаешь эту песню: «Колесо в колесе высоко в небесах...»? И опять захохотал. Надо же, думаю, внеземная станция! Этакое громадное колесо, спицы полые, а внутри будет жить Боб, а потом, через полгода или месяцев через восемь, полетит к Луне. После, по дороге домой, я припомнил, как там дальше поется: «Колесом поменьше движет вера, колесом побольше – милость Божия». И мне захотелось прыгать, кричать, самому вспыхнуть ракетой!

Жена тронула его за рукав.

– Если уж не хочешь на веранду, давай устроимся поудобнее.

Они вытащили на середину лужайки две плетеные качалки и тихо сидели и смотрели, как в темноте появляются всё новые звезды, точно блестящие крупинки соли, рассыпанные по всему небу, от горизонта до горизонта.

– Мы будто в праздник фейерверка ждем, – после долгого молчания сказала жена.

– Только нынче народу больше...

– Я вот думаю: в эту самую минуту миллионы людей смотрят на небо, разинув рот.

Они ждали и, казалось, всем телом ощущали вращение Земли.

– Который час?

– Без одиннадцати минут восемь.

– И никогда ты не ошибешься! Видно, у тебя в голове устроены часы.

– Нынче я не могу ошибиться. Я тебе точно скажу, когда им останется одна секунда до взлета. Смотри: сигнал! Осталось десять минут.

На западном небосклоне распустились четыре алых огненных цветка; подхваченные ветром, они поплыли, мерцая, над пустыней, беззвучно канули вниз и угасли.

Стало темнее прежнего, муж и жена выпрямились в качалках и застыли. Немного погодя он сказал:

– Восемь минут.

Молчание.

– Семь минут.

Молчание – на этот раз оно словно тянется много дольше.

– Шесть...

Жена откинулась в качалке, пристально смотрит на звезды – на те, что прямо над головой.

– Зачем это все? – бормочет она и закрывает глаза. – Зачем ракеты и этот вечер? Зачем? Если бы знать...

Он смотрит ей в лицо, бледное, словно припудренное отсветом Млечного Пути. Он уже хотел ответить, но передумал – пусть она договорит. И жена продолжает:

– Может быть, это как в старину, когда люди спрашивали: зачем подниматься на Эверест? А им отвечали: затем, что он существует. Никогда я этого не понимала. По-моему, это не ответ.

«Пять минут, – подумал он. – Время идет... тикают часы на руке... колесо в колесе... колесом поменьше движет... колесом побольше движет... высоко в небесах... четыре минуты! Люди уже устроились поудобнее в ракете, все на

местах, светится приборная доска...»

Губы его дрогнули.

– Я знаю одно: это – конец начальной поры. Каменный век, бронзовый век, железный век – теперь мы всему этому найдем одно общее имя: век, когда мы ходили по земле и утром спозаранку слушали птиц и чуть не плакали от зависти. Может быть, мы назовем это время – земной век, или век земного притяжения. Миллионы лет мы старались побороть земное притяжение. Когда мы были амебами и рыбами, мы силились выйти из вод океана, да так, чтобы нас не раздавила собственная тяжесть. Очутившись на берегу, мы всячески старались распрямиться и чтобы сила тяжести не переломила наше новое изобретение – позвоночник. Мы учились ходить, не спотыкаясь, и бегать, не падая. Миллионы лет притяжение удерживало нас дома, а ветер и облака, кузнечики и мотыльки насмехались над нами. Вот что сегодня главное: пришел конец нашему старинному спутнику – притяжению, век притяжения миновал безвозвратно. Не знаю, что там будут считать началом новой эпохи – может, персов, они мечтали о ковре-самолете, а может, китайцев – они, когда праздновали день рождения или Новый год, запускали в небо фейерверки и воздушных змеев; а может быть, счет начнется через час, неведомо в какую минуту или секунду. Но сейчас кончается эра долгих и тяжких усилий, миллионы лет – они нелегко дались нам, людям, и как-никак делают нам честь.

Три минуты... две минуты пятьдесят девять секунд... две минуты пятьдесят восемь секунд...

– И все равно, – сказала жена, – я не знаю, зачем все это.

«Две минуты», – подумал он. «Готовы? Готовы? Готовы?» – окликает по радио далекий голос. «Готовы! Готовы! Готовы!» – чуть слышно доносится быстрый ответ из гудящей ракеты. «Проверка! Проверка! Проверка!»

«Сегодня! – думал он. – Если не выйдет с этим первым кораблем, мы пошлем другой, третий. Мы доберемся до всех планет, а там и до звезд. Мы не остановимся, и наконец громкие слова – бессмертие, вечность – обретут смысл. Громкие слова – да, но нам того и надо. Непрерывности. С тех пор как мы научились говорить, мы спрашивали об одном: в чем смысл жизни? Все другие вопросы нелепы, когда смерть стоит за плечами. Но дайте нам обжить десять

тысяч миров, что обращаются вокруг десяти тысяч незнакомых солнц, и уже незачем будет спрашивать. Человеку не будет пределов, как нет пределов Вселенной. Человек будет вечен, как Вселенная. Отдельные люди будут умирать, как умирали всегда, но история наша протянется в невообразимую даль будущего, мы будем знать, что выживем во все грядущие времена, – и станем спокойными и уверенными, а это и есть ответ на тот извечный вопрос. Нам дарована жизнь, и уж, по меньшей мере, мы должны хранить этот дар и передавать потомкам – до бесконечности. Ради этого стоит потрудиться!»

Чуть поскрипывали плетеные качалки, с шорохом задевая траву. Одна минута.

– Одна минута, – сказал он вслух.

– Ох! – Жена порывисто схватила его за руку. – Только бы наш Боб...

– Все будет хорошо!

– Господи, помоги им... Тридцать секунд.

– Теперь смотри. Пятнадцать, десять, пять...

– Смотри!

Четыре, три, две, одна.

– Вот она! Вот!

Оба вскрикнули. Вскочили. Опрокинутые качалки свалились наземь. Шатаясь, не видя, муж и жена, как слепые, пошарили в воздухе, схватились за руки, стиснули пальцы. В небе разгоралось зарево, еще десять секунд – и взмыла огромная яркая комета, затмила собою звезды, прочертила огненный след и затерялась среди головокружительных россыпей Млечного Пути. Муж и жена ухватились друг за друга, словно под ногами у них разверзлась непостижимая, непроглядно-черная, бездонная пропасть. Они смотрели вверх, и плакали, и слышали только собственные рыдания. Прошло немало времени, пока они наконец сумели заговорить.

- Она улетела, улетела, правда?

- Да...

- И все благополучно, правда?

- Да... да...

- Она ведь не упала?

- Нет, нет, она цела и невредима. Боб цел и невредим, все благополучно.

Они наконец разняли руки. Он провел ладонью по лицу, посмотрел на свои мокрые пальцы.

- Черт меня побери, - сказал он. - Черт меня побери.

Они смотрели еще пять минут, потом еще десять, пока темную глубину зрачков и мозга не стали больно жечь миллионы крупинки огненной соли. Пришлось закрыть глаза.

- Что ж, - сказала она, - пойдём в дом.

Он не двинулся с места. Только рука сама собой протянулась и нащупала рычаг косилки. И, заметив, что держит рычаг, он сказал:

- Осталось еще немножко скосить...

- Так ведь ничего не видно.

- Увижу, - сказал он. - Надо же мне кончить. А после, перед самым сном, посидим немного на веранде.

Он помог жене оттащить на веранду качалки, усадил ее, вернулся на лужайку и снова взялся за косилку. Косилка. Колесо в колесе. Нехитрая машина, берешься обеими руками за рычаг и ведешь ее вперед, колеса вертятся, стрекочут, а ты

шагаешь сзади и спокойно раздумываешь о своем. Шум, треск, а над всем этим – покой и тишина. Кружение колеса – и неслышная поступь раздумья.

«Мне миллионы лет от роду, – сказал он себе. – Я родился минуту назад. Я ростом в дюйм, нет, в десять тысяч миль. Я опускаю глаза и не могу разглядеть своих ног, они слишком далеко внизу».

Он вел косилку по газону. Срезанная трава брызгала из-под ножей и мягко падала вокруг; он вдыхал ее свежесть, упивался ею и чувствовал – не его одного, но все человечество наконец-то омывает животворный родник вечной молодости. И, омытый этими живительными водами, он снова вспомнил песенку про колеса, про веру и про милость Божию там, высоко в небе, среди миллионов неподвижных звезд, куда вторглась одна-единственная, дерзкая, и летит, и ее уже не остановить.

Потом он скошил оставшуюся траву.

Чудесный костюм цвета сливочного мороженого [6 - Перевод Т. Шинкарь]

На город опускались летние сумерки. Из дверей бильярдной, где мягко постукивали шары, вышли трое молодых мексиканцев подышать теплым вечерним воздухом, а заодно поглядеть на мир. Они то лениво переговаривались, то молча смотрели, как по горячему асфальту, словно черные пантеры, скользят лимузины или, разбрасывая громы и молнии, как грозовая туча, проносятся трамваи, затихая вдали.

– Эх, – вздохнул Мартинес, самый молодой и самый печальный из троих. – Чудесный вечер, а, ребята? Чудесный...

Ему казалось, что в этот вечер мир то приближается к нему, то снова отдаляется. Снующие мимо прохожие вдруг оказывались словно на противоположном тротуаре, а дома, стоящие на расстоянии пяти миль, вдруг низко склонялись над ним. Но чаще люди, машины, дома были где-то по ту сторону невидимого барьера и были недосыгаемы. В этот жаркий летний вечер лицо юного Мартинеса застыло, словно скованное морозом.

– В такие вечера хорошо мечтать... мечтать о многом...

– Мечтать! – воскликнул тот, которого звали Вильянасул. У себя в комнатухе он вслух громко читал книги, но на улице всегда говорил почти шепотом. – Мечтать – это бесполезное занятие для безработных.

– Безработных? – воскликнул небритый Ваменос. – Вы только послушайте! А кто же мы, по-твоему? У нас ведь тоже нет ни работы, ни денег.

– А значит, – заключил Мартинес, – нет и друзей.

– Это верно. – Взгляд Вильянасула был устремлен в сторону площади, где тихий летний ветерок шевелил кроны пальм. – Знаете, чего бы мне хотелось? Мне хотелось бы пойти на площадь, потолкаться среди деловых людей, побеседовать с теми, кто приходит туда по вечерам, чтобы поговорить о делах на бирже. Но пока я так одет, пока я бедняк, они не станут со мной разговаривать. Ничего, Мартинес, зато у нас троих есть дружба. А дружба бедняков – это что-нибудь да значит. Это настоящая дружба... Мы...

В эту минуту мимо прошел красивый молодой мексиканец с тонкими усиками: на каждой руке у него повисла хохочущая девица.

– Madre mía! – хлопнул себя по лбу Мартинес. – А как вот этому удалось подцепить сразу двух подружек?

– Ему помог его красивый белый костюм. – Ваменос грыз свой грязный ноготь. – Видать, он из ловкачей.

Прислонившись к стене, Мартинес провожал взглядом хохочущую компанию. В доме напротив открылось окно четвертого этажа, и из него выглянула красивая девушка; ветер ласково заиграл ее легкими волосами. Мартинес знал эту девушку вечно, целых шесть недель. Он кивал ей, он приветственно поднимал руку, улыбался, подмигивал, даже кланялся ей на улице или когда, навещая друзей, встречал ее в вестибюле дома, или в городском парке, или в центре города. Но девушка лишь подставила лицо ветру. Юноша не существовал для нее – его словно и не было.

– Madre mia! – Мартинес отвел от нее взгляд и снова посмотрел вдоль улицы; мексиканец и девицы уже заворачивали за угол. – Эх, был бы у меня такой костюм. Мне не нужно даже денег, только бы иметь приличный костюм.

– Не знаю, стоит ли советовать, – вдруг сказал Вильянасул, – но что, если бы тебе повидаться с Гомесом. Он уже месяц что-то толкует насчет костюма. Я пообещал ему, что войду в пай, лишь бы отвязаться. Уж этот Гомес!

– Эй, приятель, – раздался чей-то тихий голос.

– Гомес! – Трое друзей обернулись и с любопытством уставились на подошедшего.

С какой-то странной улыбкой Гомес вытащил бесконечно длинную желтую ленту, которая заплескалась и зашелестела на ветру.

– Гомес! – воскликнул Мартинес. – Зачем тебе портновский метр?

Гомес расплылся в улыбке:

– Я снимаю мерку.

– Мерку?

– Стой спокойно. – Гомес окинул Мартинеса оценивающим взглядом. – Caramba! Где же ты был все это время? А ну-ка, давай!

Мартинес почувствовал, как ему измеряют длину руки, ноги, затем объем груди.

– Стой спокойно! – покрикивал Гомес. – Руки – точно. Ноги, грудь – великолепно! А теперь быстрее рост! Пять футов пять дюймов! Подходишь! Давай руку! – Тряся Мартинеса за руку, он вдруг воскликнул: – Подожди, а есть у тебя десять долларов?

– У меня есть! – Ваменос помахал грязными бумажками. – Сними мерку с меня, Гомес.

- Весь мой капитал - это девять долларов девяносто два цента. - Мартинес пошарил в карманах. - Ты считаешь, что этого хватит на новый костюм? Как же это так?

- А так. Потому что у тебя подходящий размер!

- Сеньор Гомес, но я совсем не знаю вас...

- Не знаешь? Ничего, теперь мы будем жить вместе. Пошли!

Гомес исчез в дверях бильярдной. Мартинес, сопровождаемый деликатным Вильянасулом и подталкиваемый нетерпеливым Ваменосом, тоже очутился в бильярдной.

- Домингес! - позвал Гомес. Разговаривающий по телефону Домингес подмигнул вошедшим. В трубке пронзительно пищал женский голос.

- Мануло! - крикнул Гомес.

Мануло, опрокидывающий в рот содержимое винной бутылки, обернулся. Гомес указал на Мартинеса:

- Я нашел вам пятого партнера!

Домингес ответил:

- У меня свидание, не мешай...

И вдруг умолк. Трубка выпала у него из рук. Маленькая черная записная книжка, полная имен и телефонов, быстро исчезла в кармане.

- Гомес, ты?!.

- Да, да! Давай скорее деньги. Выкладывай! - В телефонной трубке продолжал пищать женский голос.

Домингес в нерешительности поглядывал на трубку.

Мануло поглядывал то на пустую бутылку, которую продолжал держать в руках, то на вывеску винной лавки напротив.

Мануло и Домингес неохотно выложили по десять долларов на зеленое сукно бильярдного стола.

Изумленный Вильянасул последовал их примеру. То же самое сделал и Гомес, толкнув в бок Мартинеса. Мартинес пересчитал смятые бумажки и мелочь. Гомес жестом опытного крупье сгреб деньги.

- Пятьдесят долларов! Костюм стоит шестьдесят! Нам нужны еще десять долларов.

- погоди, Гомес! - воскликнул Мартинес. - Ты говоришь об одном костюме? Упо?

- Упо! - Гомес поднял кверху палец. - Один великолепный летний костюм цвета сливочного мороженого. Светлый-светлый, как луна в августе.

- Чей же он будет?

- Мой! - крикнул Мануло.

- Мой! - крикнул Домингес.

- Мой! - крикнул Вильянасул.

- Мой! - крикнул Гомес. - И твой, Мартинес. Друзья, покажем ему, а? Становитесь-ка все в ряд.

Вильянасул, Мануло, Домингес и Гомес выстроились в ряд у стены бильярдного зала.

- Мартинес, становись-ка и ты тоже! А теперь, Ваменос, положи нам на головы бильярдный кий.

– Сейчас, Гомес, сейчас.

Мартинес почувствовал, как на его макушку лег бильярдный кий, и высунулся вперед, чтобы посмотреть, что происходит.

– О! – воскликнул он.

Кий ровно лежал на головах пятерых парней. Ваменос, широко улыбаясь, легко двигал его взад и вперед.

– Мы все одного роста! – вскричал Мартинес.

– Одного! – засмеялись приятели.

Гомес пробежал вдоль шеренги, шелестя желтым портновским метром, прикладывая его то к одному, то к другому юноше, отчего те смеялись еще громче.

– Точно! – заявил он. – Подумайте только, понадобился месяц, целых четыре недели, чтобы подобрать четырех парней одинакового роста и сложения. Целый месяц я искал и снимал мерки. Мне попадались парни ростом в пять футов и пять дюймов, но они были либо слишком толсты, либо слишком тонки. Иногда у них были длинные руки или слишком длинные ноги. Эх, ребята, если бы вы знали, скольких пришлось обмерить! А теперь нас пятеро совсем одинаковых – в плечах и в груди, одинаковая длина рук и одинаковый вес! Ох, ребята!

Мануло, Домингес, Вильянасул, Гомес, а за ними и Мартинес встали один за другим на весы; весы-автомат, пощелкивая, выбрасывали билетки с обозначенным на них весом. Ваменос, улыбаясь во весь рот, кидал в автомат монетки. С бьющимся сердцем Мартинес прочел свой билетик.

– Сто тридцать пять фунтов... сто тридцать шесть... сто тридцать три... сто тридцать четыре... сто тридцать семь... Это чудо!

– Нет, – просто сказал Вильянасул, – это просто Гомес.

Они улыбались своему доброму гению, а он сгреб их всех в охапку.

– Ну, не молодцы ли мы, ребята? – удивлялся он сам. – Все одного роста, и у всех одна мечта – костюм! Каждый из нас будет красавцем по крайней мере один раз в неделю, а?

– Я уже не помню, когда я был красивым, – сказал Мартинес. – Девушки шарахаются от меня.

– Теперь они остолбенеют от восхищения, когда увидят тебя, – сказал Гомес, – увидят в новеньком летнем костюме цвета сливочного мороженого.

– Гомес, – сказал Вильянасул, – можно мне задать тебе вопрос?

– Конечно.

– Когда мы купим этот прекрасный летний костюм цвета сливочного мороженого, не может ли случиться так, что ты наденешь его, сядешь в автобус и уедешь в Эль-Пасо эдак на годик, а?

– Вильянасул, Вильянасул, как можешь ты такое говорить?

– Что видят глаза, то говорит язык, – сказал Вильянасул. – А помнишь беспроигрышную лотерею, которую ты устроил и в которую так никто и не выиграл? Или компанию «Перец с мясом и фасолью», которую ты задумал создать, но только задолжал за аренду помещения?

– Ошибки молодости, – сказал Гомес. – Ну, довольно. В такую жару обязательно кто-нибудь купит наш костюм. Он стоит в витрине магазина «Солнечные костюмы фирмы Шамуэй». У меня есть пятьдесят долларов. Нам нужен еще один партнер.

Мартинес видел, как его ищущий взгляд пробежал по залу. Он тоже стал разглядывать присутствующих. Глаза его миновали, не останавливаясь, Ваменоса, затем неохотно вернулись к нему; он увидел грязную сорочку Ваменоса, толстые, желтые от никотина пальцы.

– Я! – наконец не выдержал Ваменос. – Снимите мерку с меня! Мои руки слишком велики от рытья канав, это верно, но фигура...

В эту минуту Мартинес снова услышал на тротуаре шаги несносного мексиканца и его хохочущих девиц.

Тень беспокойства, словно летняя туча, пробежала по лицам друзей.

Ваменос медленно ступил на весы и опустил в автомат монету. Зажмурив глаза, он начал шептать слова молитвы:

- Madre mia, прошу тебя...

Автомат щелкнул и выбросил билетик. Ваменос открыл глаза.

- Смотрите! Сто тридцать пять фунтов! Еще одно чудо!

Все смотрели на билетик в правой руке Ваменоса и засаленную десятидолларовую бумажку в левой.

Гомес дрогнул. Покрывшись испариной, он облизнул губы. Затем его рука рванулась вперед и схватила деньги.

- В магазин! За костюмом! Пошли!

Они бросились из бильярдной.

В забытой телефонной трубке все еще пищал женский голос. Мартинес, выбегающий последним, повесил трубку на рычаг. Во внезапно наступившей тишине он покачал головой:

- Santos, это сон! Шесть человек и один костюм. Что это будет? Безумие? Поножовщина? Убийства? Но я иду. Гомес, подожди меня!

Мартинес был молод. Он бегал быстро.

Мистер Шамуэй, владелец магазина «Солнечные костюмы фирмы Шамуэй», развешивал галстуки и вдруг замер, словно почувствовал, что перед его лавкой творится что-то необычное.

- Лео, - шепнул он помощнику. - Посмотри...

Мимо, лишь заглянув в лавку, прошел Гомес. Торопливо прошли, бросив взгляд в открытую дверь, Мануло и Домингес. Вильянасул, Мартинес и Ваменос, толкая друг друга, проделали то же самое.

- Лео, - мистер Шамуэй проглотил слюну, - звони в полицию.

Вдруг все шестеро возникли в дверях. Зажатый между приятелями Мартинес, с неприятным ощущением в желудке, с возбужденным красным лицом, улыбался так широко, что Лео положил трубку на рычаг.

- Вот это да! - тяжело дыша, с выпученными глазами, сказал Мартинес. - Вот шикарный костюм.

- Нет, - сказал Мануло, глядя борта другого костюма. - Вот этот.

- Есть только один-единственный костюм на свете, - спокойно заявил Гомес. - Мистер Шамуэй, костюм цвета сливочного мороженого, размер тридцать четыре, он был в витрине час назад. Неужели вы его продали?

- Продал? Нет, нет, - облегченно вздохнул мистер Шамуэй. - Он в примерочной. На манекене.

Мартинес не помнил, он ли первым бросился вперед и увлек остальных, или это они побежали и увлекли его за собой, но все вдруг пришли в движение. Мистер Шамуэй поторопился опередить их.

- Сюда, сюда, джентльмены. Ну а который же из вас...

- Один за всех, все за одного! - услышал свой голос Мартинес и рассмеялся. - Мы все примеряем этот костюм.

- Все? - Мистер Шамуэй ухватился за занавес примерочной, словно его магазин вдруг стал кораблем, попавшим в шторм. Он глядел на них непонимающим взглядом.

«Смотри, смотри, – думал Мартинес, – видишь, мы улыбаемся. А теперь посмотри на наши фигуры. Смерь-ка отсюда сюда и оттуда туда, сверху вниз и снизу вверх, теперь понимаешь?»

Да, мистер Шамуэй все понял. Он кивнул. Он пожал плечами.

– Все! – Он широко распахнул занавес примерочной. – Сюда. Покупайте костюм, и я дам вам в придачу манекен.

Мартинес осторожно заглянул в примерочную; за ним то же проделали остальные.

Костюм был там.

И он был белый.

Мартинесу стало трудно дышать. Да он и не хотел дышать.

Ему нельзя было дышать. Он боялся, что от его дыхания костюм вдруг растает. Нет, ему достаточно лишь глядеть на этот костюм.

Наконец, глубоко, прерывисто вздохнув, он прошептал:

– Ау, ау, caramba!

– Глазам даже больно, – прошептал Гомес.

– Мистер Шамуэй, – услышал Мартинес шепот Лео. – Это опасный прецедент. Если все начнут покупать один костюм на шестерых...

– Лео, – сказал мистер Шамуэй, – ты когда-нибудь видел, чтобы один костюм в пятьдесят девять долларов мог осчастливить сразу шестерых мужчин?

– Крылья ангела, – шептал Мартинес. – Белые крылья ангела.

Мартинес почувствовал, как через его плечо в примерочную просунулась голова мистера Шамуэя.

Белое сияние разлилось по примерочной.

– Знаешь, Лео, – благоговейно прошептал мистер Шамуэй. – Это действительно замечательный костюм.

* * *

Гомес, насвистывая, с громкими радостными возгласами вбежал на площадку третьего этажа, обернулся и помахал рукой друзьям; они, смеясь, взбежали за ним, запыхавшиеся, тоже остановились и присели на ступеньки лестницы.

– Сегодня вечером! – крикнул Гомес. – Вы все сегодня вечером переселяетесь ко мне. Мы сэкономим на квартирной плате, на одежде, а? Ну конечно, Мартинес, костюм у тебя?

– Где же ему быть? – Мартинес весело поднял красивую подарочную коробку. – Вот он, наш подарок друг другу.

– Ваменос, манекен у тебя?

– Вот он!

Жуя старый сигарный окурочок и разбрасывая вокруг снопы искр, Ваменос вдруг оступился. Манекен упал, перевернулся раза два и с грохотом полетел вниз по ступенькам.

– Ваменос! Болван! Растяпа!

Манекен тут же был отобран у Ваменоса. Подавленный Ваменос оглядывался вокруг так, словно что-то потерял.

Мануло щелкнул пальцами:

– Эй, Ваменос, надо отпраздновать. Пойди-ка возьми вина в долг.

Ваменос ринулся вниз по лестнице, словно комета, оставляя за собой хвост сигарных искр.

Друзья внесли костюм в комнату. Мартинес задержался в коридоре. Он смотрел на Гомеса.

– У тебя больной вид, Гомес.

– Так оно и есть, я болен, – сказал Гомес. – Что я наделал? – Он кивнул в сторону комнаты, где двигались тени трех приятелей, возившихся около манекена. – Я выбрал Домингеса, бабника и волокиту. Ладно. Я выбрал Мануло, который пьет, но зато поет голосом нежным, как у девушки. Ты по крайней мере моешь за ушами. Но что я сделал дальше? Стал я ждать? Нет. Я захотел купить этот костюм немедленно. И для этого я взял в партнеры неотесанного чурбана и дал ему право надевать этот костюм... – Он растерянно умолк. – Он наденет его, упадет в нем в грязь или выйдет под дождь. Зачем, зачем я сделал это?

– Гомес, – слышался шепот Вильянасула. – Костюм уже готов. Иди взгляни, как он выглядит при свете твоей лампочки.

Гомес и Мартинес вошли.

В центре комнаты на манекене висело фосфоресцирующее чудо, белое, сияющее видение с необыкновенно отутюженными лацканами, с потрясающе аккуратными стежками и безукоризненной петлицей. Белый отблеск костюма упал на лицо Мартинеса, и ему показалось, что он в церкви. Белый! Белый! Слово самое белое из всех ванильных мороженых, словно парное молоко, доставляемое молочником на рассвете. Белый, как одинокое зимнее облако в лунную ночь. От одного его вида в этой душной летней комнате дыхание людей застывало в воздухе. Даже закрыв глаза, Мартинес его видел. Он знал, какого цвета сны будут сниться ему в эту ночь.

– Белый... – шептал Вильянасул. – Белый, как снег на вершине горы возле нашего городка в Мексике; эту гору называют Спящая.

- Повтори, что ты сказал, - попросил его Гомес.

Гордый и несколько смущенный Вильянасул был рад повторить:

- ...белый, как снег на вершине горы, которую называют...

- А вот и я!

Они испуганно обернулись. В дверях стоял Ваменос с бутылками в руках.

- Празднуем! Смотрите, что я принес! А теперь скажите, кто же наденет костюм сегодня? Я?

- Сейчас уже поздно, - возразил Гомес.

- Поздно?! Всего четверть десятого.

- Поздно? - возмущенно повторили остальные. - Поздно?

Гомес попятился назад от этих людей, которые горящими глазами смотрели то на него, то на костюм, то в открытое окно.

За окном внизу, думал Мартинес, был, в сущности, чудесный субботний вечер, и в теплых спокойных сумерках плыли женщины, словно цветы, брошенные в тихие воды ручья. Печальный стон вырвался из груди мужчин.

- Гомес, у меня предложение. - Вильянасул смочил языком кончик карандаша и на листке блокнота составил расписание: - Ты носишь костюм с девяти тридцати до десяти, Мануло - до десяти тридцати, Домингес - до одиннадцати, я - до половины двенадцатого, Мартинес - до двенадцати, а...

- Почему я должен быть последним? - недовольно воскликнул Ваменос.

Мартинес быстро нашелся и сказал с улыбкой:

- А ведь после двенадцати самое лучшее время, дружище.

- Это верно, - согласился Ваменос. - Я не подумал об этом. Ладно.

Гомес вздохнул:

- Хорошо. Каждый по полчаса. Но с завтрашнего дня, запомните, каждый из нас надевает костюм только раз в неделю. А в воскресенье мы тянем жребий, кому надеть его еще раз.

- Мне! - со смехом воскликнул Ваменос. - Я везучий.

Гомес крепко ухватился за Мартинеса.

- Гомес, ты первый. Надевай же, - подтолкнул его Мартинес.

Гомес не мог оторвать глаз от злополучного Ваменоса. Наконец жестом отчаяния он сорвал с себя сорочку:

- Э-эх!

Тихий шелест полотна - чистая сорочка.

- Ох!..

Как приятно на ощупь чистая одежда, думал Мартинес, держа наготове пиджак. Как она приятно шуршит, как приятно пахнет!

Позвякивание пряжек - брюки; шелест - галстук, подтяжки. Шорох - Мартинес набросил пиджак, и он ловко сел на податливые плечи Гомеса.

- Ole!

Гомес повернулся, как матадор, в чудесном, излучающем сияние костюме.

- Ole, Гомес, ole!

Гомес отвесил поклон и направился к двери.

Мартинес впился глазами в циферблат своих часов. Ровно в десять он услышал чьи-то неуверенные шаги в коридоре, словно человек заблудился. Он открыл дверь и выглянул.

По коридору бесцельно брел Гомес.

«У него больной вид, – подумал Мартинес. – Нет, у него потерянный, потрясенный, удивленный вид».

– Сюда, Гомес, сюда!

Гомес круто повернулся и наконец нашел дверь.

– О, друзья, друзья, – сказал он. – Друзья, вы не представляете!.. Этот костюм, этот костюм!..

– Расскажи нам, Гомес! – попросил Мартинес.

– Не могу, не могу! – Гомес воздел глаза к небу, поднял кверху широко раскинутые руки.

– Расскажи, Гомес!

– Нет слов, нет слов. Вы должны увидеть сами. Да-да, сами... – Он молчал, трясая головой, пока не вспомнил, что все стоят и ждут. – Кто следующий? Мануло!

Мануло в одних трусах выскочил вперед:

– Я готов!

Все засмеялись, закричали, засвистели.

Мануло, надев костюм, ушел. Его не было двадцать девять минут и тридцать секунд. Он вошел в комнату, не отпуская ручку двери, он держался руками за

стены, он ощупывал собственные руки, проводил ладонями по лицу.

– Дайте мне рассказать вам, – наконец промолвил он. – Compadres, я зашел в бар. Нет, я не заходил в бар, слышите? Я не пил. Потому что, пока я шел туда, я уже начал смеяться и петь. Почему? Почему? – спрашивал я сам себя. Потому что от этого костюма мне стало веселее, чем от вина. От этого костюма я стал пьян, пьян, пьян! Поэтому я зашел в закусочную «Гвадалахара», играл там на гитаре и спел четыре песни очень высоким голосом. Этот костюм, ах, этот костюм!

Домингес – теперь была его очередь – ушел и вернулся.

Черная записная книжка с телефонными номерами, подумал Мартинес. Она была у него в руках, когда он уходил. А теперь руки его пусты. Что это? Что?

– На улице, – сказал Домингес с широко раскрытыми глазами, переживая все заново, – когда я шел, одна женщина воскликнула: «Домингес, неужели это ты?» А другая сказала: «Домингес? Нет, это сам Кецалькоатль. Великий Белый Бог, пришедший с Востока». Слышите? И мне сразу же расхотелось встречаться одновременно с шестью, с восемью женщинами. Должна быть одна, подумал я, одна! И кто знает, что я скажу ей, этой одной. «Будь моей». Или: «Выходи за меня замуж». Caramba! Этот костюм опасен. Но мне плевать на это. Я живу, я живу! Гомес, с тобой тоже такое творилось?

Гомес, все еще ошеломленный тем, что пережил в этот вечер, покачал головой:

– Не надо, не говори. Слишком много всего. Потом. Вильянасул!

Вильянасул смущенно вышел вперед.

Вильянасул смущенно покинул комнату. Вильянасул смущенно вернулся обратно.

– Представьте, – сказал он, ни на кого не глядя, опустив глаза вниз, словно обращаясь к половицам. – Зеленая площадь, группа пожилых коммерсантов и дельцов под открытым звездным небом – они говорят, кивают, опять говорят. Потом один из них что-то шепчет, все поворачиваются, расступаются, и через образовавшийся проход, словно сноп света сквозь льдину, проходит белое

видение, а внутри его – я. Я делаю глубокий вдох, в животе у меня словно желе, голос мой еле слышен, но вот он становится громче. Что же я говорю? Я говорю: «Друзья, вы читали «Sartor Resartus» Карлейля? В этой книге мы находим изложение его философии одежды...»

Наконец пришла очередь Мартинеса надеть костюм и отправиться в неизвестность.

Четыре раза он обошел квартал, четыре раза останавливался под балконом дома и глядел вверх на освещенное окно: там двигалась тень – за этим окном была прекрасная девушка, она появлялась и исчезала. Лишь на пятый раз он увидел ее на балконе – летняя жара выгнала ее из комнаты подышать ночной прохладой. Она посмотрела вниз. Она сделала знак.

Вначале ему показалось, что она машет ему. Ему показалось, что он привлек ее внимание, словно белый гейзер. Но она никому не махала. Еще жест – и пара очков в темной оправе украсила ее переносицу. Девушка посмотрела на Мартинеса.

«Ага, вот оно что, – подумал он. – Ну что ж, даже слепые видят этот костюм». Он улыбнулся ей. Ему уже не надо было махать ей рукой. Наконец-то и она улыбнулась в ответ. И ей тоже не надо было махать ему рукой. А потом, возможно, потому, что он не знал, как ему быть дальше и как избавиться от улыбки, которая растянула его рот до ушей, он бросился наутек и завернул за угол, чувствуя на себе взгляд девушки. Когда он обернулся, она уже сняла очки и следила близоруким взглядом за тем, что ей, должно быть, казалось движущимся белым пятном в темноте. Затем, чтобы прийти в себя, он снова завернул за угол и зашагал через весь город, ставший внезапно таким прекрасным, что ему захотелось кричать, смеяться и снова кричать.

Возвращаясь, он шел медленно, словно во сне, с полузакрытыми глазами; и, когда он появился в дверях, все увидели не Мартинеса, а самих себя, возвращающихся домой. И все вдруг поняли, что с ними что-то происходит...

– Ты опоздал! – воскликнул Ваменос, но тут же умолк. Нельзя было разрушить чары.

– Скажите мне, кто я? – сказал Мартинес.

Медленно он сделал круг по комнате.

Да, думал он, это сделал костюм и все, что связано с ним, то, как они пошли все вместе в магазин, смеющиеся и, как сказал Мануло, без вина пьяные. По мере того как сгущалась темнота и каждый по очереди натягивал брюки, балансируя на одной ноге и держась рукой за плечи других, чувства их росли, становились теплее, лучше; один за другим они выходили за дверь, один за другим возвращались, пока снова не пришел черед Мартинеса стоять во всем великолепии и белизне, так, словно он готовится отдать какое-то приказание и все должны были умолкнуть и расступиться.

- Мартинес, пока тебя не было, мы достали три зеркала. Посмотри.

В зеркалах, поставленных как в магазине, отражалось три Мартинеса, а за ним тени и эхо тех, кто надевал костюм до него и ходил глядеть на сверкающий мир. В блестящей глади зеркал Мартинес увидел огромность того, что они переживали, и глаза его наполнились слезами. Другие тоже заморгали. Мартинес коснулся зеркал. Они задрожали. Мартинес увидел тысячу, миллион Мартинесов в белоснежных одеяниях, проходящих через вечность, еще и еще раз отраженных в ней, исчезающих и нескончаемых.

Он поднял белый пиджак в воздух. В оцепенении остальные не сразу сообразили, чья грязная рука потянулась к нему.

А затем:

- Ваменос!

- Свинья!

- Ты даже не умылся! - закричал Гомес. - И не побрился, пока ждал. Compadres, в ванну его!

- В ванну! - закричали все.

- Нет! - завопил Ваменос. - Ночной воздух, я заболею.

Кричащего Ваменоса поволокли в ванную.

* * *

Ваменос был почти неправдоподобен в белом костюме, побритый, причесанный, с чистыми ногтями.

Его друзья мрачно взирали на него.

«Ибо разве не верно, – думал Мартинес, – что, когда идет Ваменос, лавины низвергаются с гор, а когда он проходит по тротуару, обитателям домов хочется плевать из окон или выливать помои или еще хуже. Сегодня, в этот вечер, Ваменос пройдет под тысячами раскрытых окон, балконов, по глухим, темным переулкам. Мир жужжит от мух, а Ваменос похож на свежемороженый торт».

– Ты действительно здорово выглядишь в этом костюме, Ваменос, – грустно сказал Мануло.

– Спасибо, – Ваменос передернул плечами, чтобы поудобнее чувствовать себя в костюме, в котором только что перебивали все его друзья. Тихим голосом он спросил: – Теперь я могу идти?

– Вильянасул! – сказал Гомес. – Запиши-ка ему правила.

Вильянасул послушал огрызок карандаша.

– Во-первых, – диктовал Гомес, – ты не имеешь права падать в этом костюме, Ваменос.

– Не буду.

– Прислоняться к стенам домов.

– Никаких стен.

– Ходить под деревьями, где гнездятся птицы. Курить. Пить...

- Пожалуйста, - взмолился Ваменос, - можно мне садиться в этом костюме?

- Если стул не шибко чистый, снимай брюки и вешай на спинку стула.

- Пожелай мне счастья, - сказал Ваменос.

- С богом, Ваменос.

Он вышел и захлопнул за собой дверь. И вдруг все услышали звук рвущейся материи.

- Ваменос! - завопил Мартинес.

Он бросился к двери, распахнул ее.

Ваменос держал в руке разорванный надвое носовой платок и громко хохотал.

- Тр-р-р! Видели бы вы свои рожи! Тр-р-р! - Он разорвал платок в клочья. - Ну и рожи! Вот умора. Ха-ха-ха!

С громоподобным хохотом Ваменос захлопнул перед обеспокоенными друзьями дверь и ушел.

Гомес схватился за голову и отвернулся:

- Бейте меня, бросайте в меня камнями. Я продал наши души дьяволу.

Вильянасул сунул руку в карман, вытащил серебряную монетку и долго глядел на нее.

- Вот мои последние пятьдесят центов. Кто еще может дать деньги, чтобы выкупить у Ваменоса его часть костюма?

- Бесполезно. - Мануло показал десять центов. - Этого хватит выкупить лишь лацкан да петлицу.

Гомес, стоявший у открытого окна, внезапно высунулся из него и закричал:

– Нет, Ваменос, нет!

Внизу на улице испуганный Ваменос погасил спичку и швырнул на землю где-то подобранный сигарный окурочок. Он сделал какой-то странный жест приятелям, глядевшим в окно, затем небрежно помахал им рукой и зашагал прочь.

Пятеро друзей не могли отойти от окна, тесня и толкая друг друга.

– Клянусь, он в этом костюме будет есть шницель по-гамбургски, – с тоской прошептал Вильянасул. – Я думаю о горчице.

– Перестань! – воскликнул Гомес. – Не может этого быть! Не может!

Внезапно Мануло очутился у двери.

– Мне необходимо промочить горло.

– Мануло, вино в бутылке на полу...

Но Мануло был уже за дверью. Через минуту Вильянасул с делано безразличным видом потянулся и прошелся по комнате.

– Пожалуй, пойду прогуляюсь до площади, друзья.

Не прошло и минуты после его ухода, как Домингес, помахав друзьям записной книжкой, подмигнул и взялся за дверную ручку.

– Домингес! – окликнул его Гомес.

– Что?

– Если случайно увидишь Ваменоса, скажи ему, чтобы не ходил к Мики Мурильо в «Красный петух». Там драки не только на экране телевизора.

– Он не посмеет пойти к Мурильо, – сказал Домингес. – Ваменосу слишком дорог этот костюм. Он не сделает ничего такого, что может причинить костюму вред.

– Он скорее убьет родную мать, – добавил Мартинес.

– Уверен, что он способен на это, – сказал Гомес.

Мартинес и Гомес остались одни в комнате, прислушиваясь к торопливым шагам Домингеса, сбегавшего по лестнице. Они обошли вокруг голого манекена. Затем, покусывая губы, Гомес долго стоял у раскрытого окна и глядел вниз. Рука его дважды касалась нагрудного кармана сорочки, и каждый раз он отдергивал ее. Наконец он вынул что-то из кармана и, даже не взглянув, протянул Мартинесу:

– Возьми, Мартинес.

– Что это?

Мартинес глядел на сложенную вдвое розовую бумажку с какими-то цифрами и словами. Глаза его расширились от удивления.

– Билет на автобус, отходящий от Эль-Пасо через три недели?

Гомес кивнул. Он не смотрел на Мартинеса. Он смотрел в окно на летнюю ночь.

– Верни его в кассу и получи обратно деньги, – сказал он. – Купи к нашему костюму хорошую белую панаму и бледно-голубой галстук. Сделай это, Мартинес.

– Гомес...

– Молчи. Ну и духота же здесь. Мне надо подышать свежим воздухом.

– Гомес! Я тронут, Гомес...

Дверь комнаты зияла пустотой. Гомес ушел.

* * *

«Красный петух», кафе и коктейль-бар Мики Мурильо, был зажат между двумя высокими кирпичными домами и поэтому, будучи узким по фасаду, вынужден был вытянуться вглубь. Снаружи шипел, гас и снова загорался неоновый серпантин вывески. Внутри проплывали мимо окон и исчезали в глубине бурлящего ночного бара туманные тени.

Мартинес, приподнявшись на носках, заглянул в светлый глазок размалеванного красной краской окна.

Он почувствовал чье-то присутствие слева от себя и чье-то дыхание справа. Он посмотрел налево, потом направо.

– Мануло! Вильянасул!

– Я пришел к выводу, что мне не хочется пить, – сказал Мануло. – Я решил просто прогуляться.

– Я шел в сторону площади, – сказал Вильянасул, – но мне захотелось пройти этой дорогой.

Словно сговорившись, все трое тут же умолкли и, встав на цыпочки, стали смотреть в бар через глазки в размалеванном окне.

Спустя несколько мгновений они почувствовали за спиной чье-то дыхание.

– Что, наш белый костюм там? – услышали они голос Гомеса.

– Гомес! – воскликнули все трое удивленно. – Хэй!

– Да! – сказал Домингес, который только сейчас нашел удобный глазок в окне. – Вот он! И хвала господу, он все еще на плечах у Ваменоса.

– Я не вижу! – Гомес прищурился и приложил ладонь козырьком к глазам. – Что он там делает?

Мартинес тоже посмотрел. Да, там, в глубине бара, белое снежное пятно, идиотская ухмылка Ваменоса и клубы дыма.

- Он курит! - сказал Мартинес.

- Он пьет! - сказал Домингес.

- Он ест та?ко, - сообщил Вильянасул.

- Сочное та?ко, - добавил Мануло.

- Нет! - воскликнул Гомес. - Нет, нет, нет.

- С ним Руби Эскадрильо!

- Дайте-ка мне взглянуть! - Гомес оттолкнул Мартинеса.

Да, это Руби - сто килограммов жира, втиснутые в расшитый блестками тугий черный шелк; пунцовые ногти впились в плечи Ваменоса; обсыпанное пудрой, измазанное губной помадой тупое коровье лицо наклонилось к его лицу.

- Это гиппопотамша!.. - воскликнул Домингес. - Она изуродует плечи костюма. Посмотрите, она собирается сесть к нему на колени!

- Нет, нет, ни за что! Такая намазанная и покрашенная! - застонал Гомес. - Мануло, марш туда! Отними у него стакан. Вильянасул, хватай сигару и та?ко! Домингес, назначь свидание Руби Эскадрильо и уведи ее отсюда. Andale, ребята!

Трое исчезли, оставив Гомеса и Мартинеса подглядывать, ахая от ужаса, в окно.

- Мануло отнял стакан, он выпивает вино!

- Ole! А вон Вильянасул, он схватил сигару, он ест та?ко.

- Хэй, Домингес отводит в сторону Руби! Вот молодец!

Какая-то тень скользнула с улицы в дверь заведения Мурильо.

– Гомес! – Мартинес схватил Гомеса за руку. – Это Бык Ла Джолья, дружок Руби. Если он увидит ее с Ваменосом, белоснежный костюм будет залит кровью, кровью!..

– Не пугай меня! – воскликнул Гомес. – А ну, быстрее!

Они бросились в бар. Они были около Ваменоса, как раз когда Бык Ла Джолья сгреб обеими ручищами лацканы прекрасного костюма цвета сливочного мороженого.

– Отпусти Ваменоса! – закричал Мартинес.

– Отпусти костюм, – уточнил Гомес.

Бык Ла Джолья и приподнятый вверх и приплясывающий на цыпочках Ваменос злобно уставились на непрошенных гостей.

Вильянасул застенчиво вышел вперед. Вильянасул улыбнулся:

– Не бей его. Ударь лучше меня.

Бык Ла Джолья ударил Вильянасула в лицо. Вильянасул, схватившись за разбитый нос и с глазами, полными слез, отошел в сторону.

Гомес схватил Быка за одну ногу. Мартинес за другую.

– Пусти его, пусти, реон, coyote, vasa!

Но Бык Ла Джолья еще крепче ухватил ручищами лацканы костюма, и все шестеро друзей застонали от отчаяния. Он то отпускал лацканы, то снова мял их в кулаке. Он готовился как следует рассчитаться с Ваменосом, но к нему снова приблизился Вильянасул с мокрыми от слез глазами.

– Не бей его, бей меня.

Когда Ла Джолья снова ударил Вильянасула, на его собственную голову обрушился сокрушительный удар стулом.

- Ole! – воскликнул Гомес.

Бык Ла Джолья пошатнулся, заморгал глазами, словно раздумывая, растянуться ему на полу или не стоит, однако не отпустил Ваменоса.

- Пусти! – закричал Гомес.

Один за другим толстые, как сосиски, пальцы Быка разжались и отпустили лацканы костюма. Через секунду он уже неподвижно лежал на полу.

- Друзья, сюда!

Они вытолкнули Ваменоса на улицу; там с видом оскорбленного достоинства он высвободился из их рук.

- Ладно-ладно, мое время еще не истекло. У меня еще две минуты и десять секунд.

- Что? – возмущенно воскликнули все.

- Ваменос, – сказал Гомес, – ты позволил, чтобы гвадалахарская корова села тебе на колени, ты затеваешь драки, ты куришь, пьешь, ешь та?ко, а теперь еще осмеливаешься говорить, что твое время не истекло!

- У меня еще две минуты и одна секунда.

- Эй, Ваменос, ты сегодня шикарный, – донесся с противоположного тротуара женский голос.

Ваменос улыбнулся и застегнул пиджак.

- Это Рамона Альварес. Эй, Рамона, подожди!

Ваменос ступил на мостовую.

– Ваменос! – умоляюще крикнул вдогонку Гомес. – Что можешь ты сделать в одну минуту... – он взглянул на часы, – и сорок секунд?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7456635&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Перевод Норы Галь

2

Перевод Норы Галь

3

Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

4

Целительные средства как основа лекарств (лат.).

5

Перевод Норы Галь

6

Перевод Т. Шинкарь

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/rey-bredberi/lekarstvo-ot-melanholii-sbornik-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)